

— Кстати, я переезжаю, — с выражением крайнего напряжения на лице Ду Цивэй втянул в себя ложку яичного супа с солью. — Переезжаю к Тан-Тан.

Чжан Сяо удивился:

— Почему?

— Люди из Офиса кризисного управления сказали, что мне нужны более строгие меры защиты, — улыбнулся он. — Мне больше не нужно работать папарацци, у Тан-Тан свой магазин, и она может свободно распоряжаться временем, чтобы заботиться обо мне. В её доме установят защитные устройства, а вокруг будут патрулировать. Это надёжнее.

— А у нас дома нельзя?

— Офис кризисного управления сначала хотел сделать это у нас, но я отказался.

— Почему отказался?

— Разве ваше ведомство не собирается поселить тебя с тем часовым? — захихикал Ду Цивэй, грызя соломинку. — Старший брат тебе помогает.

— ...Ты это от Чжоу Ша слышал? — Чжан Сяо вздохнул. — Не верь, это всё выдумки.

Чжоу Ша вчера пришла в больницу навестить своего младшего брата, который находился здесь в качестве сопровождающего, и другого парня, которого она не знала, но который был серьёзно ранен. Чжан Сяо предполагал, что, пока он был за пределами больницы, заказывая еду, Чжоу Ша рассказала Ду Цивэю о том, что сообщил Ин Чанхэ.

— Ты не рад? — наконец Ду Цивэй оставил суп, отодвинув его в сторону. — Почему? Разве он тебе не нравится?

— Но я ему не нравлюсь, — тихо сказал Чжан Сяо. — Он даже обнял меня однажды, но всё равно не проявил никакой реакции. Когда он был у нас дома, чтобы помочь мне с карантином, это было по указанию директора, и он всё время бегал в туалет. Наверное, ему это было неприятно. Скажи, разве в такой ситуации мои фантазии имеют смысл?

Ду Цивэй подумал, что его версия событий отличается от той, что рассказала его старшая сестра.

Чжан Сяо взял несколько фиников с тумбочки и съел их.

— На самом деле, мне достаточно видеть его на работе и слышать его голос. Думать слишком много — это утомительно. Я не из тех, кто лезет напролом.

— Но ты же каждый день за ним подглядываешь!

Чжан Сяо покраснел:

— Это... это случайность. Кто бы мог подумать, что он окажется за окном.

Ду Цивэй задумался на мгновение, затем поманил Чжан Сяо к себе. Тот пододвинул стул ближе, и Ду Цивэй потянулся, чтобы ущипнуть его за щёку.

— Помнишь наш экзамен по инопланетным существам на третьем курсе? — спросил Ду Цивэй.

— Ты тогда сильно болел и не успел подготовиться. Ты хотел отказаться от экзамена и попросить преподавателя перенести его на следующий семестр, но я всё равно затащил тебя в аудиторию, верно?

Чжан Сяо помнил. В итоге он получил больше восьмидесяти баллов, что было не так уж плохо, и его результат вошёл в двадцатку лучших.

— Попробуй, мой глупый мальчик, — тихо сказал Ду Цивэй. — Не сдавайся, это твой первый экзамен такого рода. Если ты откажешься сейчас, не будет следующего семестра, не будет следующего раза. Ты никогда больше не встретишь того, кто тебе так нравится.

Он не знал об эффекте запечатления, подумал Чжан Сяо. Действительно, я никогда больше не встречу того, кто мне нравится больше, чем Гао Цюнь.

Но... он действительно не хотел сдаваться.

Влюблённость, одержимость и чувство собственности, вызванные эффектом запечатления, он всегда сдерживал своими привычками подавления. Слова Ду Цивэя напомнили ему те дни, когда он сидел в кафе и подглядывал за Гао Цюнем.

Тогда ещё не было эффекта запечатления, он даже не знал, кто такой Гао Цюнь.

Но ему нравилось смотреть на Гао Цюня, на его лицо, он ему нравился. Ещё до первичной сексуальной реакции, до эффекта запечатления, он уже влюбился в Гао Цюня.

Это поверхностно, но разве это плохо?

Он схватил руку Ду Цивэя.

— Хорошо. Я постараюсь, — тихо сказал Чжан Сяо. — Я постараюсь не сдаваться.

В последний день, указанный Ин Чанхэ, Гао Цюнь дождался Чжан Сяо.

Чжан Сяо и подруга Ду Цивэя, Тан-Тан, разделили обязанности: Тан-Тан ухаживала за ним днём, а он — ночью, поэтому, когда он выходил из дома, Гао Цюнь заканчивал дежурство в Комитете по управлению культурными реликвиями, а когда он возвращался, Гао Цюнь уже сидел в комнате дежурного и ел пирожки с сельдереем и мясом. Они всё время разминулись и не виделись.

— Долго ждал? — спросил Чжан Сяо. — Сегодня не дежуришь?

Было восемь тридцать утра, и с окончанием новогодних праздников улицы постепенно оживали. Люди возвращались домой со всех уголков мира.

Гао Цюнь, накинув рабочую куртку, выданную Комитетом, ждал у ворот микрорайона Цинхуа, но на вопрос Чжан Сяо его ответ превратился в:

— Только что пришёл.

— Тогда... у тебя есть время подняться ко мне? — с трудом выдавил Чжан Сяо. — Хочу угостить тебя чаем.

Он помнил, как в тот день Гао Цюнь, беспокоясь за него, поднялся на восьмой этаж.

— Нет, мне ещё нужно кое-что купить, — сказал Гао Цюн. — Ин Чанхэ сказал, что ты согласился, чтобы я переехал сюда.

— Э... Ага, — нервно почесал подбородок Чжан Сяо. — Но пока это невозможно, Лао Ду ещё не съехал.

Гао Цюн сразу спросил:

— А когда он съедет?

Чжан Сяо:

— ...Ты рад?

Гао Цюн:

— Рад.

Чжан Сяо подумал в том же ключе:

— А, потому что отсюда ближе до работы, ты сможешь экономить хотя бы два юаня на транспорте каждый день.

Гао Цюн рассмеялся:

— Как ты угадал, что я думаю?

Чжан Сяо подумал: Неужели правда?

— В месяц можно сэкономить хотя бы сорок юаней, — добавил Гао Цюн. — Я смогу тебя угощать ужинами.

Чжан Сяо почувствовал, что сегодняшняя погода просто чудесная, цветы в клумбах распустились так красиво, а старики и старушки, занимающиеся тайцзи в саду микрорайона и украдкой наблюдающие за их разговором, такие добродушные.

Только что он чувствовал злость или печаль, а сейчас уже снова радовался. Как будто следы белого медведя и пингвина на толстом слое снега, как будто травинки, слегка примятые оленем в весеннем лесу, как будто песчаные шарики, вытолкнутые маленьким крабом на самом широком пляже. Их быстро смывают волны, засыпает новый снег, скрывают более густые листья. Но они всегда существуют, эти красивые, милые, радующие вещи, они всегда здесь, исчезают и появляются, умирают и возрождаются.

Снова и снова он погружался в эту сладкую и печальную трясиину.

— Отлично, я жду, — сказал Чжан Сяо. — Добро пожаловать в мои соседи по комнате.

Гао Цюн наклонил голову, словно осознавая, что сейчас у Чжан Сяо смешанные чувства, но не зная, как на это реагировать, в его глазах промелькнула лёгкая растерянность.

В первый рабочий день после праздников Ду Цивэй выписался из больницы.

Все его показатели вернулись в норму, и он каждый день требовал вернуться домой, чтобы поесть баранины. Чжан Сяо не рассказал ему, как он выжил, люди из Офиса кризисного

управления тоже хранили молчание, а Тан-Тан, считая, что врачи 267-й больницы — настоящие последователи Хуа То, была бесконечно благодарна и даже не думала о Чжан Сяо.

Те, кто знал, что Чжан Сяо спас Певчего ястреба Ду Цивэя, получили от Офиса кризисного управления приказ молчать. Чжан Сяо не знал, что Цинь Еши даже обсуждал с сестрой, существуют ли в мире заклинания забвения или таблетки для потери памяти, которые могли бы стереть это событие из памяти свидетелей.

В итоге его отругала сестра, и он несколько дней ходил подавленным.

Сегодня он, как обычно, должен был отвезти документы в Комитет по управлению культурными реликвиями и обсудить с Ин Чанхэ последние события. Чжан Сяо, Гао Цюн и другие не имели прямого отношения к этому делу, поэтому не могли участвовать в расследовании. Офис кризисного управления действовал втихомолку, а остальные продолжали работать и жить, как и в любой другой день.

Самым большим изменением стало увеличение числа охранников в Нацмузее, даже перед Красным теремом появился вооружённый страж.

Чжан Сяо опоздал, потому что сменил кафе, где покупал кофе, но очередь была слишком длинной. Он снова наглядно убедился, насколько пустынным было кафе, где работал Ду Цивэй.

Цинь Еши, как и в прошлый раз, стоял перед лифтом, ожидая, чтобы его проводили вниз.

— Директор не хочет выдавать тебе карту доступа? — спросил Чжан Сяо.

— Не хочет, — ответил Цинь Еши. — Он говорит, что я не сотрудник Комитета и часто появляюсь, что раздражает. Но на самом деле это не так, согласно приказу №59, изданному в 2008 году, Офис кризисного управления имеет право направлять наблюдателей в различные учреждения, я очень хорошо знаю этот документ, могу тебе процитировать.

— А, не нужно, — поспешно протянул Чжан Сяо сэндвич, пытаясь заткнуть его рот. — Угощайся.

Цинь Еши загорелся:

— Ты самый добрый человек на свете?

<http://bllate.org/book/16847/1550281>